

гора — традиционное место шабаша ведьм»⁴. А в стихотворении Лермонтова «Утес» центральный образ тесно связан с идеей одиночества. В конечном счете обе составляющие (одиночество и пограничная ситуация) актуальны для понимания произведения Некрасова.

Образ моря, чрезвычайно популярный у писателей-романтиков, символизировал в их произведениях свободу и революционный вызов. Однако Некрасов употребляет его скорее в христианском понимании — как «море житейское». Об этом свидетельствуют и строки раннего стихотворения поэта:

...Когда я, дум высоких полный,
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;
Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему Царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю,
Я близок к небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

(«Смерти», 2 ноября 1838).

В стихотворении выстраивается оппозиция: *бурной суетности волны — жизнь неземная*, т. е. вечная, посмертное бытие души человека.

Задача интерпретатора в процессе анализа стихотворения усложняется тем обилием реминисценций, которые обнаруживает короткий текст стихотворения. Заметим, что чрезвычайно часто реминисценции используются писателем сознательно. Проблема исследователя заключается в верификации — доказательстве целенаправленности авторского выбора.

В свое время Ю. Н. Тынянов, обратив внимание на частотность пушкинских реминисценций в творчестве Некрасова, отметил: «У него часты повторения классических стиховых формул. Ср. «И с отвращением кругом кидая взор...» («Родина») с пушкинским: «И с отвращением читая жизнь мою...» ...Перед самою смертью он пишет «Пускай чуть слышен голос твой...», «Мне снилось: на утесе стоя...» — стихотворения, и по строфике, и по лексике, и в особенности по

ритмико-синтаксическому рисунку при-мыкающие к пушкинскому стиху»⁵. Пушкинские реминисценции вместе с символами образуют неделимое целое, существенно углубляя смысл художественного текста и делая его многомерным.

Интертекстуальные вкрапления в стихотворении «Сон» не ограничиваются лишь теми, которые были упомянуты Тыняновым. Стихотворение, написанное Некрасовым незадолго до смерти, обнаруживает гораздо больше пересечений с русской поэзией Золотого века, чем это заметно на первый взгляд. Оно все построено на реминисценциях из русской литературы и мировой культуры.

В стихотворении встречаются не только лексические, но и фонетические реминисценции: при анализе звуковых повторов становится ясно, что доминирующим среди них является аллитерация группы согласных *сн*. Безусловно, она связана с темой стихотворения Некрасова. Однако если обратиться к русской поэзии и посмотреть, кто из русских поэтов был «первооткрывателем» этого приема, то выяснится, что их было двое: сначала Тютчев — в переводе из Гейне, опубликованном под названием «С чужой стороны» (*На севере мрачном, на дикой скале...*), а затем Лермонтов в переводе того же стихотворения, больше известном под названием «Сосна», вывели слово *сон* в качестве текстовой доминанты.

В стихотворении Некрасова среди лексико-символических реминисценций центральным становится образ ангела, который является лирическому герою. В тексте персонаж назван *ангелом света и покоя*. Среди ангелов (точнее, архангелов) есть только один, чье имя переводится с древнееврейского как «Свет Божий или Бог свет есть», — это архангел Уриил. Используя информацию из разных источников, мы получаем следующий «портрет»: «Уриил, будучи сиянием огня божественного, есть просветитель потемненных»; «Уриил — это небесный огонь, покровитель тех, кто посвятил себя наукам и искусствам»; «Святой Уриил изображен держащим в правой руке обнаженный меч, а в ле-

⁴ <http://ec-dejavu.ru/g/Gora.html>

⁵ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 19.